

е
м
тр "Пикколо"

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Зоя и
Марио - 1936 -
11-18 марта -
С.Ф.

А

у, совсем было я распрощалась до сентября, но тут в Москве имело место быть из ряда вон выходящее событие, которое и побудило меня написать post-scriptum. А событие такое, что приезжал в Москву театр Стрелера и играл "Остров рабов" Мариво, и конечно же, я вспомнила, как смотрела "Спор" Мариво в Бохуме и какое бомбовое впечатление произвел тогда на меня немецкий спектакль.

Там речь шла о том, что некий аристократ ставит эксперимент: содержит в полной изоляции четверых детей, а когда они вырастают до состояния половой зрелости, не ведая о жизни ровно ничего, он выпускает их на волю и смотрит, что с ними будет. И вот эти четверо, эдакие невинные "кандиды" начинают постигать мир, все с самого начала. солнце, небо, землю, радость движения. силу чувств, симпатию-нежность-дружбу-страсть-любовь-ревность-зависть-ненависть-примирение-прощение-надежду...

Помнится, когда на сцене появилось четверо совершенно обнаженных актеров и когда мой (русский) коллега понял, что они так и будут играть всю пьесу au naturel, он чуть было не покинул зал, во всяком случае сделал попытку пересечь от меня куда-нибудь подальше. А меня тогда немцы удивили. Великолепный был спектакль, эффекты шумовые и световые, живая вода, настоящий песок, шикарные декорации, актеры свободные, смелые, азартные. Мне просто показалось, что лучше быть не может. Их нагота ничуть меня не шокировала — было понятно, что обнаженная плоть есть не что иное, как единственно возможная одежда души.

Так вот, итальянцы играют Мариво еще лучше, хотя у Стрелера все наоборот, вместо вращающегося крута сцены и огромного помоста — неподвижная декорация, изображающая некий тропический остров: море и едва различимые силуэты пальм; шумовой эффект равно один (гроза, открывающая действие); свет — яркий, совершенно ровный; песок — искусственный. Из песка, отряхиваясь, выбираются потерпевшие кораблекрушение персонажи (кстати, здесь тоже две пары — хозяева и слуги, двое мужчин и две женщины) и торопятся одеть-

ся. И тут-то выясняется, что на этом острове каждый, кто был ничем, под страхом смертной казни обязан стать всем. Так что им приходится с точностью до наоборот поменять одежду и род занятий.

Представляешь, что из этого может получиться? Правильно, теперь социальную революцию все представляют. Но вот чего нельзя представить, так это игру итальянцев. Увидеть театр "Пикколо ди Милано" — и умереть. Они умудряются двигаться и жестикулировать в темпе комедии дель-арте, а артикулировать со всей безупречностью "Комеди Франсез", а что вытворяет их одежда — не столько облачение неумной плоти, сколько стихия социальных страстей, жилище и тюрьма. Она словно живет сама по себе, топорщится, ластится, сопротивляется, презирает, хамит, подчиняется, издевается. Арлекино, напялив костюм и с трудом затолкнув в ножны непокорную шляпу Месье, обрушивает на бывшего господина все накопившиеся унижения: Коломбина, водрузив на голову шляпу и укротив кринолин, возвращает хозяйке все шпильки и уколы, предъявляет все неоплаченные

Письмо к ученому соседу (6)

счета.

Что и говорить, в согбенном и униженном положении мы все дружно взываем к человечности и гуманности, а едва распрямившись, едва прорвавшись из грязи в князи, тут же о них забываем. Мариво еще тогда догадался, что люди становятся хозяевами и слугами в силу великих и непознанных (генетических? мистических?) причин, это выгодно отличает его от современников, которые, как стало известно, некоторое время спустя, были склонны преувеличивать возможности разума. В отместку современники обозвали стиль Мариво презрительным словечком "мариводаж", ставя ему в упрек метафоричность, парадоксальность, нюансировку фразы и прочие непростительные достоинства остроумных комедий.

Потомки чуть было его вообще не позавидовали. "Остров рабов" не переведен на русский, а на итальянский его пришлось переводить самому Стрелеру. (Кстати, он сохранил некоторые реплики по-французски, так что стала слышна вся дурь революционных клише Просвещения). О нем писали разве что историки литературы, но как? Цитирую энциклопедию Брокгауза: "... излишество в характеристиках, описаниях, размышлениях, слоге: бесконечные извивы, через которые М. проводит всякую свою мысль. Навык кропотливо разглядывать мелочи делает М. близоруким. Постигая тонкости и изощренности, он превращается в ... метафизика, ему словно неведомо истинно поэтическое чувство, величие, возвышенность..."

В комедиях Мариво напрочь отсутствовала модная непристойность, а в личной жизни не было ничего скандального. "Сердечная жизнь Мариво сложилась очень скромно: он женился на девушке из почтенной семьи, потерял ее после двух лет счастливого брака, сильно горевал, а впоследствии, затрудняясь воспитанием и устройством единственной дочери-бесприданницы, согласился на вступление ее в монастырь, куда за нее сделал взнос герцог Орлеанский".

Биография Мариво выглядит так: Пьер Карле де Шамблен де Мариво был светским человеком и свободным художником. Он родился (1688), женился (1717), безуспешно пытался получить должность судейского чиновника, добился некоторого успеха в качестве журналиста, имел одного ребенка, жил в Париже, с 1720 по 1740 написал примерно 30 комедий и два романа. А потом замолчал. Умер в 1763 году.

Понятно, что романтический девятнадцатый век не жаловал таких прозаических субъектов. И вдруг в конце двадцатого — явный ренессанс. К чему бы это? Неужто мы поумнели настолько, что научились наконец ценить вышеупомянутые излишества и извивы?

Спектакль шел шесть дней при полном аншлаге.

Элла ВЕНГЕРОВА.